

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

ВЫПУСК
15 (78)

ИСТОРИЯ
И ФИЛОЛОГИЯ
СТРАН
БЛИЖНЕГО
ВОСТОКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА · ЛЕНИНГРАД
1 9 6 6

ПАМЯТИ ПАУЛЯ-ЭРНСТА КАЛЕ

(1875—1964)

24 IX 1964 в Бонне скончался крупнейший семитолог нашего времени Пауль-Эрнст Кале (Paul-Ernst Kahle), профессор восточной филологии и библеистики в университетах Мюнстера и Бонна. Несмотря на преклонный возраст, ученый до последних дней вел творческую научную и преподавательскую деятельность. Он был членом более десяти всемирно известных академий и научных обществ Европы, Африки и Америки, в их числе можно назвать Британскую академию, Немецкую академию наук (ГДР), Библейское общество (The Society for the Old Testament Studies) в Лондоне, Société Asiatique в Париже и ряд других организаций.

Кале родился в Хохенштейне в 1875 г., а в 1894 г. поступил в университет Дандига. По обычной для Германии системе подготовки он продолжал свои занятия в тех университетах страны, где читали курсы избранные им для руководства профессора. В числе его учителей были профессор библейской литературы и историк религии В. В. Баудиссин (W. W. Baudissin), у которого Кале занимался в Марбурге и затем в Берлине; знаменитый специалист по истории еврейского языка, ветхозаветной и апокрифической литературы Эмиль Кауч (Emil Kautsch) в Галле; широко известный библеист, ученик Ю. Вельгаузена, профессор Рудольф Киттель (R. Kittel). Кале был хорошо подготовлен в области арабистики и тюркологии, что сделало его ориенталистом весьма широкого профиля.

За семьдесят лет научной деятельности Кале оставил свыше сотни крупных трудов, не считая множества библиографических статей и обзоров. Монографии и статьи, написанные им, образовали новую ступень в развитии семитологической науки.

Он был блестящим гебраистом, арабистом, сириологом, замечательным знатоком самаританской письменности и литературы и семитской эпиграфики. Отличное знание античной филологии, греческого языка и латыни придавало особую глубину его текстологическим исследованиям Библии.

Кроме того, Кале был выдающимся тюркологом. Его исследование средневекового историко-географического сочинения *Khitāyname*¹ Али Акбара существенно раздвинуло представления об истории этого источника и его значении для истории Центральной Азии.

По инициативе Кале и с его непосредственным участием было осуществлено критическое издание важного арабского географического сочинения „Хроника Ибн Ийяса“.² Высокую оценку этого труда дал И. Ю. Крачковский.

Кале получил теологическую подготовку и в начале деятельности выполнял обязанности пастора протестантской миссии в Каире. Непосредственное знакомство с жизнью арабского общества, по-видимому, оказало прямое влияние на интересы ученого. Его внимание привлекало не только прошлое, но и настоящее арабов. Живой интерес к народной культуре египетского населения проявился у Кале, в частности, в изучении такой своеобразной отрасли народного творчества, как теневой театр.³ Знакомство с языком, фольклором и письменной литературой, с материальной культурой арабов, почерпнутое из самой жизни, обогатило научный кругозор ученого и сообщило его исследованиям особую ценность. Заслуги его в арабистике высоко ценил его младший современник И. Ю. Крачковский, особенно выделявший работы Кале о театре теней и по истории навигации у ближневосточных народов и связи ее с европейскими географическими открытиями.⁴

Так же хорошо Кале знал географию и культурный быт Палестины. Он изучил эту страну, проведя в ней значительное время в качестве сотрудника немецкого Института археологии в Иерусалиме. В поездках по стране его общество часто разделял Густав Дальман, крупнейший лингвист и этнограф, специалист по арамейскому языку и знаток этнографии арабского населения Палестины.

В научном наследии Кале особенно важное место занимают исследования библейской текстологии и истории древнееврейского языка в его письменной традиции. Критическое издание масоретской версии Библии, опубликованное Р. Киттелем в 1906 г., переиздавалось в 30-х и 50-х годах с дополнениями и исправлениями его ученика (известно как издание Kittel—Kahle, 1937, 1952). Труды Кале явились прочной базой для изучения истории создания и развития масоретской практики и теории записи и чтения Библии в странах Ближнего Востока в VI—X вв. н. э.

Помимо многочисленных работ, освещающих отдельные этапы взаимоотношения систем передачи гласных, диакритических знаков и знаков

¹ Eine islamische Quelle über China um 1500 (Das *Khitāyname* des Ali Ekber). *Acta Orientalia*, XIII, 1933.

² Die Chronik des Ibn Ijās, in Gemeinschaft mit Moritz Sobernheim hrsg. von Paul Kahle und Mohammed Mostafa. Leipzig, 1931—1932 (Bibliotheca Islamica, V).

³ См.: Paul Kahle's Schriften. Islamica. Studien zur Geschichte und Kultur des Nahen und Fernen Ostens Paul Kahle zum 60. Geburtstag. Leiden, 1935, SS. 227—228.

⁴ И. Ю. Крачковский, Избранные сочинения, т. IV, М.—Л., 1957, стр. 524—525, 573—574, 586.

распределения текста, применявшихся в Палестине и Вавилонии в эпоху создания масоретской версии, капитальным вкладом в историю вопроса стали две сводные монографии с большим числом иллюстративных таблиц: „Masoreten des Ostens“ (1913) и „Masoreten des Westens“ (1927, 1930). Основную задачу, поставленную в этом исследовании, раскрывает общий подзаголовок: *Texte und Untersuchungen zur vormasoretischen Grammatik der Hebräischen*. Эти исследования широко известны и являются обязательным пособием для семитологов самых различных специальностей. Подробный анализ их значения для науки мог бы стать темой самостоятельной научной работы. Исследования источников, извлеченных из Каирской генизы в виде списков Библии с вавилонской вокализацией, таргумов с особой вокализацией палестинского происхождения и ранних литургических произведений, позволили Кале сделать вывод, что грамматическая система в том виде, как она представлена у масоретов, в значительной части является делом искусственным и не была известна предшествующим поколениям иудеев. Закрепленные официальной традицией результаты масоретской деятельности в итоге исследований Кале не выглядят уже как последняя ступень развития языка соответствующей эпохи, но в некоторых отношениях отражают скорее ослабление процесса, еще не завершившего свое естественное развитие. Лишь на основе работы, проделанной Кале, появилась определенная возможность классифицировать все известные рукописи Библии по степени их отношения к той или иной масоретской традиции. Ученый ставил себе задачу постепенно издать и исследовать все сохранившиеся остатки памятников, отклоняющихся от норм господствующей тивериадской системы. Выполнение этой задачи оказалось выше возможностей, предоставленных ему жизнью, но она осуществляется в трудах его учеников. Он испытал высокое удовлетворение видеть достойное продолжение начатого им труда.⁵

В тот же круг интересов входят исследования самаританского языка и литературы, которым была посвящена первая значительная научная работа Кале — диссертация на степень доктора филологии.⁶ В дальнейшем он неоднократно обращается к самаританским источникам, изучая тексты Пятикнижия, таргумов, литургических гимнов. Занимала внимание исследователя самаританская община сама по себе в том виде, как ему удалось ознакомиться с ней в Палестине.⁷

Многие труды Кале касаются проблем сближения и взаимовлияния арабской и еврейской культур. Одна из ранних его работ представляет антологию средневековых переводов Библии на арабский язык в записи квадратным шрифтом.⁸ Этот небольшой сборник до сих пор служит

⁵ A. Murtonen. *Materials for a non-Masoretic Hebrew Grammar*, tt. I—III. Helsinki, 1960—1964.

⁶ *Textkritische und lexikalische Bemerkungen zum samaritanischen Pentateuchtar gum*. Leipzig, 1898.

⁷ *Die Samaritaner im Jahre 1909*. Palästina Jahrbuch, XXIV, 1930.

⁸ *Die arabischen Bibelübersetzungen*. Leipzig, 1904.

пособием для изучающих предмет. В том же плане изучения взаимовлияния различных культур уже много позднее им были изданы фрагменты арабского перевода комментариев Галена к „Тимее“ Платона.⁹

Приход к власти Гитлера вынудил Кале, как и многих других передовых ученых Германии, перенести деятельность в Англию. Его многолетнее преподавание в университете Оксфорда прервалось незадолго до смерти в связи с возвращением на родину. Попутно с учебными занятиями Кале продолжал свои исследования, широко используя первоклассное собрание еврейских и еврейско-арабских рукописей и документов, хранящихся в Бодлейанской библиотеке, в университете Кэмбриджа и в Британском музее. Результаты его систематических занятий источниками Каирской генизы были изложены в доступной форме в курсе научно-популярных лекций (Schweich Lectures при Британской академии наук), прочитанных в 1941 г. и опубликованных впервые в 1947 г. Открытие ессейской библиотеки на побережье Мертвого моря и сопоставление вновь найденных текстов с давно уже привлекавшими внимание ученых материалами генизы Старой синагоги в Каире побудили крупнейшего знатока этих источников переиздать свою книгу, им посвященную, сильно расширив и обогатив ее обзором и анализом дополнительного круга документов.¹⁰ Большое внимание уделено здесь коллекциям А. С. Фирковича в собрании Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Кале был одним из немногих ученых Запада, кто свободно разбирался в их материалах и глубоко сознавал их значение для науки.

Имя Кале связано с раскрытием содержания и выяснением времени и обстоятельств, при которых возникли еврейские рукописи, найденные в пещерах на берегу Мертвого моря. Монография и статьи Кале входят в число первых крупных работ, посвященных открытию.¹¹ Естественно, что списки библейских книг, обнаруженные в пещере, в первую очередь привлекли его внимание. На новом материале Кале вновь убедительно показал всю сложность процесса образования единой традиции в передаче библейского текста и отсутствие единого канона в древние времена как для еврейского оригинала, так и для греческих переводов. Его работа подтверждает снова, что создание канонического текста — процесс искусственный, использованный в нуждах закрепления определенной, стремящейся к господству идеологии как в иудейских, так и в христианских кругах. Большой опыт исследователя палеографии квадратного шрифта и его вариантов сообщил большую осторожность его выводам и оказал сдерживающее влияние на попытки других ученых слишком категорично определять время возникновения и записи памятников. Его собственная датировка (III в. н. э.), по-видимому, подлежит пересмотру в связи с произведенным позднее полным археологическим

⁹ В приложении к латинскому тексту в издании Otto Schroeder (Leipzig u. Berlin, 1934).

¹⁰ The Cairo Geniza. 2-nd ed., Oxford, 1959.

¹¹ Die hebräischen Handschriften aus der Höhle. Stuttgart, 1951.

исследованием места поселения и пещер вокруг него и находками многих новых текстов. По мере того как свежие материалы поступали в научное пользование, специалистам не раз приходилось отказываться от выдвинутых прежде гипотез. В самой монографии ее вторая часть (Addenda, стр. 53—81) во многом дополняет и уточняет сведения, изложенные в основной части. Однако глубокое знание истории еврейской письменности и древнейших переводов Библии на другие языки, тонкая наблюдательность в отношении источников делают книгу Кале одним из важнейших пособий для овладения методологией раскрытия этих сложных проблем.

О том, что Кале не замыкался в сфере кабинетной деятельности, щедро делился своими знаниями с широким кругом слушателей, говорит сама история создания книги о кумранских рукописях. Она возникла в результате специальных лекций, прочитанных ученым публично в самом начале 1951 г. в цикле традиционных чтений Института иудаистики при Мюнстерском университете — „Franz Delitsch Vorlesungen“. Успех этих лекций вызвал их повторение в университетах Гамбурга, Киля и Бонна в Западной Германии и в Университете им. Гумбольдта (Берлин) в ГДР.

Кале в научной деятельности был связан со всеми выдающимися семитологами своего времени. В их число входили также представители русской науки. Этому способствовало личное знакомство с научной деятельностью советских специалистов, которое Кале приобрел в 1926 г. во время научной командировки в Советский Союз. За месяц, проведенный тогда в Ленинграде, Кале успел собрать сведения о нужных ему списках Библии, масоры и других памятников средневековой экзегетики. Помимо исключительной собственной работоспособности, ему содействовала активная помощь сотрудников Библиотеки и коллег по профессии.¹² Он сохранил в дальнейшем дружеский контакт с советскими семитологами П. К. Коковцовым, И. Ю. Крачковским, Н. В. Пигулевской, ученые интересы и методы работы которых во многом совпадали с его собственными.

¹² Masoreten des Westens, I, стр. X—XI.